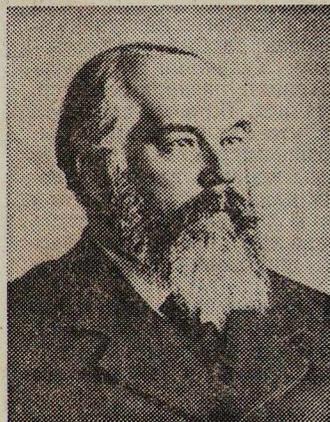

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. И. ТАНЕЕВА

«ПОЗНАТЬ И СОЗДАВАТЬ ИСТИННО ПРЕКРАСНОЕ»

Не было композитора, более далекого от современности, чем Сергей Танеев. На первый взгляд.

И не было композитора, к которому современники так тянулись бы, как к Танееву.

Что влекло их? И почему память о Сергее Ивановиче Танееве передается русскими музыкантами из поколения в поколение с благоговейной нежностью, как святыня?

В своем искусстве он стремился к самому возвышенному, самому идеальному, почти абстрагированному классицизму. Духовные опоры находил он в тысячелетней истории культуры. Его единственная опера «Орестей» написана по древнегреческой трилогии Эсхила. В его камерных ансамблях находим старинные музыкальные формы.

Труднейшими упражнениями оттачивал он свою композиторскую технику, доводя ее до невиданной виртуозности.

Танеев отвергал «сентиментально-мелкие воззрения» на музыку. В его произведениях никогда не было ничего бьющего на эффект, сенсационного, помогающего успеха. Звуки танеевской лиры высоко вознесены над обыденностью. «Могучая энергия, конструктивная воля, подлинная страстность созидания» движут эту музыку, полную высокой мудрости...

Биографию Танеева невозможно разделить на «жизнь» и «творчество». Творчество было его жизнью, жизнь — творчеством.

«Ничего, что жизнь этого старого холостяка с виду была лишена всяких бурь и волнений», — писал о Танееве А. Луначарский, — и скорбь, и надежда, и негодование, и любовь, и чувство одиночества, и радость общения с природой и людьми, и многое, многое другое заставляло трепетать это твердое, но чуткое сердце и в молодые годы, когда Танеев выглядел таким богатыренок, и в годы его седой мудрости, когда близко знавшие его готовы были почти преклоняться перед ним, как перед святым и учителем жизни».

Список сочинений Танеева невелик. Но в каждом жанре музыки им оставлены образцы высочайшего искусства. Когда-то Глинка мечтал соединить русский напев с фугой. Танеев — единственный из русских

композиторов, кто последовательно шел по завещанному Глинкой пути. Но его... не поняли. Композитору приклеили ярлык «ультрареакционера», «архиконсерватора». Это породило вокруг Танеева невообразимую путаницу, не изжитую и поныне.

Бытует мнение, что Танеев творил бесстрастно, сугубо рассудочно, всецело предаваясь сухим контрапунктическим расчетам, изобретая бесчисленные полифонические комбинации, и т. д.

Помню, А. И. Хачатурян спрашивал своих учеников: «А вы плакали над вашей музыкой?» И это был вопрос вопросов. И это тоже — танеевское, ибо тайну и цену вдохновения Танеев познал, как познали ее немногие. Сохранилась единственная страничка его дневника, где этот сдержанный, тщательный скрывавший свою внутреннюю жизнь человек признается, что он рыдал, создавая Струнный квинтет, соч. 16...

Сердце Танеева было полно любви к людям, любви деятельной, требовательной, возыскующей. «Совестью музыкальной Москвы» называли Сергея Ивановича москвичи. В танеевский домик, затерянный в арбатских переулках, стекались, по словам С. Рахманинова, «самые разнокалиберные, по своему значению несоединимые люди: от начинающего

ученика до крупных мастеров всей России». То не был салон. То была мастерская «мирового учителя», как назвал Танеева А. Глазунов. «Своим личным примером, — писал Рахманинов, — он учил нас, как жить, как мыслить, как работать...»

Без превеличения полжизни отдал Танеев воспитанию молодых музыкантов. Помимо большого класса в Московской консерватории у него было много учеников, с которыми Сергей Иванович занимался бесплатно. Вообще его отвращение к корысти было восхитительно. Уйдя из консерватории, он отказался от полагавшейся ему правительственной пенсии. Не брал гонорара за исполнение своих произведений в Русском музыкальном обществе, членом которого состоял.

Он был не только учеником, но и другом Чайковского. Их переписка изумительна. Она переполнена спорами, принципиальными разногласиями, расхождениями по многим творческим вопросам — и в то же время излучает истинно дружескую приязнь, покоряет душевной красотой обоих корреспондентов. Этих благороднейших людей роднила высота нравственных, этических убеждений, они буквально жили высшими целями искусства. Петра Ильича особенно восхищало в Танееве «бодрое, здоровое, оптимистическое отношение к задачам жизни». Уче-

ник остался до конца верен памяти учителя: завершил, посмертно издал и исполнил ряд его произведений, в своих концертах сыграл почти всю фортепианную музыку Чайковского. Дружбу их Асафьев сравнивал по ее плодотворности с дружбой Шиллера и Гете. Вся московская композиторская школа, в сущности, есть школа Чайковского — Танеева. Глубоко справедливо и символично, что архив Сергея Ивановича хранится ныне в Клину, под одной крышей с бесценными манускриптами Чайковского.

Идеи Танеева жизнестойки. Они развивались в симфониях Н. Мясковского, в квартетах Д. Шостаковича. Ныне они оживают во многих сочинениях Родиона Щедрина, в камерных ансамблях Александра Чугаева.

В законах контрапункта, соединенных «со всеми усовершенствованиями современной гармонии» (которых, как видим, Танеев был вовсе не чужд), великий мастер видел «средство против распада цельности музыкального мышления — и в конце концов человеческой цельности». На заре XX века то была позиция провидца. Веку романтической музыкальной эстетики Танеев предложил новую классицистическую модель музыки. Век ее не принял. Но следую-

щее двадцатое столетие с его поворотом к полифонии и неоклассицизму подтвердило эстетическую зоркость русского композитора. Сегодня, среди руин музыкального авангардизма, многие идеи Танеева остаются поразительно актуальными. Танеев воспринимается нами как современник, по-прежнему остается мудрым учителем.

А чего жаждут филармонические работники, исполнители, прочно сведшие концертный репертуар к нескольким известным произведениям? Музыка Танеева практически не звучит. Некоторые произведения исполняются с интервалом в 30—40 лет! Это огромная потеря.

Грандиозное, захватывающее творение, лебединая песня Танеева — кантата «По прочтении псалма» до сих пор не представлена в грамзаписи и не исполняется, так же, как многие романсы, хоры, вокальные ансамбли. На оперных сценах не ставится «Орестей». Некоторые сочинения вообще не изданы. И это относится не только к ранним, но и к самым зрелым работам мастера, например, Шестнадцати хорам на стихи К. Бальмонта! В связи с этим возникает много вопросов...

Не хотелось бы, чтобы слова Танеева из письма к А. Аренскому прозвучали в наше время анахронизмом:

«Великая цель: возвыситься над тем, что люди считают важным и существенным и что на самом деле ничтожно и пошло, познать и создавать истинно великое, истинно прекрасное. Достигнуть этой цели есть высшее счастье, какое только доступно человеку». Танеевский эпос с потрясающей силой выражен в кантате «По прочтении псалма»:

Мне нужно сердце чище
злата
И воля крепкая в труде,
Мне нужен брат, любящий
брата,
Нужна мне правда на суде.

Вам не покажется странным, что я, композитор, принадлежащий к поколению «тридцатилетних», поставлю сейчас свою подпись под столь пламенным панегириком «несовременному» Танееву? Что греха таить, для многих из нас вечные истины потеряли ныне привлекательность, так сказать, информационной новизны. В наш век информатики и «ценностей» для разового употребления, в нашей погоне за комфортом, в наших метаниях от искусства к субкультуре и обратно образ Сергея Танеева, его наследие спокойно и строго напоминают нам о музыкантской чести и совести, о достоинстве Музыки. В эпоху музизирующих роботов, думаю, это не лишнее.

Петр БЕЛЫЙ.